

УДК 811.161.1'27:811.581'27
ББК Ш141.12-003+Ш171.1-003

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20

Дзюба Елена Вячеславовна,

кандидат филологических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; e-mail: elenacz@mail.ru

Чжао Лин,

студентка, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; e-mail: elenacz@mail.ru

ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ¹

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика; лингвокультурология; лингвокогнитивная категоризация; научная, профессиональная и наивная картины мира; национальное языковое сознание.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются социо- и этноспецифические особенности разных типов лингвокогнитивной категоризации, актуальных для разных вариантов языковой картины мира (научной, профессиональной и наивной картин мира). Излагается концепция лингвокогнитивной категоризации, строящаяся на выделении категоризации трех типов: научной, профессиональной, наивной. Тип лингвокогнитивной категоризации определяется сферой человеческого знания о мире, спецификой субъекта и объекта познания, набором существенных признаков категоризации, системой категориальных имен. В статье также устанавливаются границы влияния человеческого фактора на процесс лингвокогнитивной категоризации в научной, профессиональной и наивной картинах мира. Отмечается факт относительной независимости научной категоризации от влияния идио-, социо- и этноспецифических факторов. Определяется «посреднический характер» профессиональной картины мира, устанавливается взаимообусловленность профессионального типа лингвокогнитивной категоризации и специфических условий и требований профессиональной среды, что объясняет социоспецифический характер данного типа лингвокогнитивной категоризации. На примере анализа данных опроса, проведенного среди носителей русского и китайского языков и направленного на определение специфики структурно-содержательной организации категорий лингвоментальной субсферы «Продукты растительного происхождения» (категории ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ), определяются этноспецифические особенности наивной категоризации.

Dziuba Elena Vyacheslavovna,

Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Rhetoric and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Chzhao Lin,

Student, Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

ETHNOSPESIFIC FEATURES OF LINGUO-COGNITIVE CATEGORIZATION IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUAL MENTALITY

KEYWORDS: cognitive linguistics; linguo-culturology; linguo-cognitive categorization; scientific, professional and naïve worldviews; national lingual mentality.

ABSTRACT. The article deals with socio- and ethno-specific problems of various types of linguo-cognitive categorization topical for different variants of worldview (scientific, professional and naïve worldviews). It sets up the conception of linguo-cognitive categorization based on distinction of three types: scientific, professional and naïve. The type of linguo-cognitive categorization is defined by the sphere of human knowledge about the world, specificity of the subject and object of cognition, the set of relevant features of categorization and the system of category names. The article also sets the boundaries of influence of the human factor on the process of linguo-cognitive categorization in scientific, professional and naïve worldviews. It also registers the fact of relative independence of scientific categorization of the influence of idio-, socio- and ethno-specific factors. The article defines the “mediating character” of the professional worldview and studies the interrelationship between the professional type of linguo-cognitive categorization and specific conditions and requirements of the professional sphere, which explains the socio-specific character of the given type of linguo-cognitive categorization. Specific features of naïve categorization are described by the material of a questionnaire conducted with the speakers of Russian and Chinese and aimed at the definition of specificity of content and structural organization of the categories of the linguo-mental sub-sphere “Crops” (categories of VEGETABLES, FRUIT, and BERRIES).

Изучение языковой категоризации – одна из актуальных проблем отечественной и зарубежной лингвокогни-

тологии (см. работы Э. Рош, Дж. Лакоффа, А. Вежбицки, Н. Н. Болдырева, О. О. Борискиной, А. А. Кретова, Е. С. Кубряковой, Т. Г. Скребцовой и др.). Многие вопросы когнитивной лингвистики в настоящее время остаются дискуссионными, в данном исследовании затрагиваются некоторые из

¹ Публикация осуществлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-54-00010 а(ф) «Категоризация действительности в русском языковом сознании» 2015 г.

них: речь пойдет об установлении границ влияния человеческого фактора на формирование категорий в зависимости от разных типов лингвокогнитивной категоризации, об определении идио-, социо- и этноспецифических особенностей категоризации в разных вариантах языковой картины мира (научной, профессиональной и наивной картинах мира).

Для значительной части отечественных ученых тезис, выдвинутый еще Э. Сепиром и Б. Л. Уорфом, *Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нам языком* [14, с. 174] – не вызывает никаких сомнений. Связь языка и мышления (в т. ч. национального) для большинства современных исследователей очевидна. Л. В. Щерба в статье «О понятии смешения языков» описывает опыт изучения речи билингвов (носителей немецкого и лужицкого языков) и указывает следующее: «Мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры» [17]. Далее исследователь приводит ставшие классическими примеры несоответствия объемов содержания таких понятий в русском, французском, немецком языках, как *температура воды, принимать пищу, любить* и мн. др. «Даже самые простые слова могут, обозначая один и тот же предмет, быть различными только потому, что они принадлежат к разным языкам, один из которых менее привычен, чем другой», – утверждает Л. В. Щерба. Действительно, например, по-русски можно сказать *Я тебя очень люблю* и *Я люблю молоко*, во многих других языках употребление одного и того же глагола в этих контекстах невозможно, ср., например, чешское: *Miluji tě (я люблю тебя) и Jsem rád mléko (я люблю молоко)*. То же наблюдается во многих других языках.

Ю. Д. Апресян отмечает, что каждый способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти этноспецифичен, и это, безусловно, отражается на восприятии мира конкретным народом; что естественный язык отражает коллективную философию народа, и эта философия естественным образом через постижение языка навязывается всем носителям этого языка [2, с. 350-351].

Идеи выдающихся отечественных лингвистов о социо- и этнокультурной специфике языка и мышления развивают многие современные исследователи: А. Вежицка, С. Г. Воркачев, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев, В. И. Карасик, В. В. Колесов, О. Н. Кондратьева, О. А. Корнилов,

Л. Б. Никитина, С. Е. Никитина, И. Г. Овчинникова, Е. А. Пименов, М. В. Пименова, Б. А. Серебренников, Г. С. Суюнова и др. Несомненно, лингвистов интересуют не общие рассуждения о национальной специфике языка и мышления, но изучение конкретных языковых фактов, которые могут служить маркерами этноспецифической информации, заложенной в языке. Например, А. Вежицка стремится выявить ключевые слова-концепты, предопределяющие этноментальную специфику определенного народа: например, *душа, тоска, судьба*, по мнению исследовательницы, определяет ментальность русских людей; *страх* и *порядок* является ключевыми концептами сознания немцев и т. п. Эту идею выделения ключевых этноспецифичных лингвоментальных феноменов развивают в книге «Ключевые идеи русской языковой картина мира» Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев. Исследователи подчеркивают, что языковая картина мира формируется ключевыми концептами и ключевыми идеями. По мнению исследователей, ключевыми концептами русской языковой картины мира являются такие этноспецифичные лингвоментальные феномены, как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость*; ключевыми идеями, или сквозными мотивами, русской языковой картина мира, по мнению ученых, можно считать, например, идею непредсказуемости мира, выражающуюся лексическими маркерами *а вдруг, на всякий случай, если что, авось; собираюсь, постараюсь; угроза; добираться; счастье*; идею справедливости (ср. маркеры: *справедливость, правда, обида*); идею внимательности к нюансам человеческих отношений (ср.: *общение, отношения, попрек, обида, родной, разлука, соскучиться*) и др. [5]. Факты, подтверждающие достоверность высказанных идей, ученые черпают из богатого лексического состава русского языка.

Многие исследователи справедливо замечают, что наиболее продуктивным с точки зрения выявления этнокультурной информации является прием параллельного рассмотрения сопоставимых лингвокогнитивных феноменов в разных языках. Так, В. И. Карасик выявляет ключевые моменты, которые являются знаками этноспецифичной лингвокультурной информации. К таким ключевым моментам исследователь относит слова-наименования концептов (хотя у некоторых концептов имена могут отсутствовать); неравномерную концептуализацию (разную номинативную плотность одноименных участков лексических систем); специфическую комбинаторику ассоциативных признаков концептов (например, различие

внутренней формы лексем, называющих одно и то же в разных языках); специфику классификации определенных предметных областей (на Востоке принято преуменьшать себя в номинации, в Европе – нет); специальную ориентацию предметных областей на ту или иную сферу общения (в русском языке много разговорных номинаций бесцельного передвижения, в Китае много высоких наименований путешественников) [6, с. 109]. В. И. Карасик предлагает методику контрастного описания национальных языковых картин мира, которая включает в себя: 1) описание «членения действительности», отраженного языком в языковых парадигмах (лексико-семантических, лексико-фразеологических и структурно-синтаксических группах и полях); 2) описание национальной специфики значений языковых единиц (какие семантические различия выявляются в сходных значениях в разных языках); 3) выявление отсутствующих единиц (лакун) в системе языка, выделение эндемичных (выявляющихся только в одном из сравниваемых языков) единиц и т. д. [там же].

Подобную работу проводит А. Б. Михалев. Исследователь выделяет слои языковой картины мира, которые отражают ее национальную специфику: 1) фонетический, или звукоизобразительный, слой (автор считает, что фонетическая специфика консонантных или вокалических языков не может не отражать национальную специфику языковой картины мира; 2) лексический слой, предполагающий в первую очередь специфику именных классификаторов в национальном языке; 3) семантический слой, предстающий в виде единиц в метафорическом употреблении; 4) паремический слой, включающий специфичные для лингвокультуры фразеологизмы, пословицы и поговорки; 5) грамматический слой, отражающий этноспецифичную категоризацию действительности; 6) ситуативный, или дискурсивный, слой, указывающий на наличие этноспецифичных поведенческих категорий. Для демонстрации выдвинутых положений А. Б. Михалев использует примеры из разных языков мира [7].

В последние годы работы, посвященные изучению национальной специфики разных лингвокультур (в т. ч. русской), появляются все чаще, по данной проблематике вышел в свет целый ряд монографий и диссертаций, десятки сборников научных трудов, тысячи научных статей. Возможно, некоторые из них написаны в угоду «научной моде», что не могло не вызвать отчасти справедливую критику. Исследования, направленные на выявление этнокультурной взаимосвязи языка и мышления, принципиально отвергаются некоторыми лингвистами

(см. работы А. В. Павловой [8; 9], А. В. Павловой и М. М. Безродного [10], А. В. Прожилов [11], П. Сериио [13] и др.). На данную дискуссию обратили особое внимание Е. Е. Аникин и А. П. Чудинов [1], осветив эту полемику на страницах журнала «Политическая лингвистика» (см. также работы С. Г. Воркачева [2], В. В. Дементьева [4], М. М. Руссо [12], М. Ю. Федосюка [15], А. Д. Шмелева [16]). Однако в данном исследовании не ставится цель осветить позиции дискутирующих сторон, но предлагается лишь очертить границы влияния субъективных (в том числе – этноспецифических) факторов на процессы языкового осмысления фактов объективной действительности. Прежде следует указать на специфику понимания термина **языковая картина мира** в данном исследовании, в котором предпринят не совсем традиционный подход к его интерпретации. Обычно термин *языковая картина мира* включает в себе посессивное значение (в этом смысле более верным был бы термин *картина мира языка*, т.е. система знаний и представлений о мире, отображенная в семантике языка, 'принадлежащая языку'). Здесь акцент делается не только на посессивном, но также на инструментальном значении, при котором язык понимается как инструмент познания – с одной стороны, и как инструмент репрезентации знания в разных картинах мира (научной, профессиональной, наивной) – с другой стороны.

В данном исследовании рассматриваются разные варианты языковой картины мира. Под **вариантами языковой картины мира** понимается вербализованный коррелят системы знаний и представлений об объектах действительности, присущий разным картинам мира когнитивного сознания: научной, профессиональной, наивной. Дифференциация вариантов языковой картины мира основана на разных **типах лингвокогнитивной категоризации** (категоризации научной, профессиональной, наивной).

Лингвокогнитивная категоризация – это процесс вербализованного упорядочения знаний и представлений о реальном (ирреальном) мире, обусловленный сферой человеческого знания, особенностями субъекта и объекта познания, набором существенных признаков категоризации, спецификой системы категориальных имен. **Категория** в свою очередь трактуется как лингвоментальный феномен человеческого сознания, который представляет собой лингвокогнитивную ячейку в системе знаний и представлений человека о мире и о себе самом, изоморфно отображающую фрагмент реальной и/или воображаемой действитель-

ности в человеческом сознании. При этом *изоморфный* понимается здесь не как 'одинаковый', но как 'подобный', абсолютно не тождественный, а понятие *лингвокогнитивная ячейка* считается весьма условным в том смысле, что оно предполагает не жесткие, но гибкие границы.

Систематизация знаний далеко не всегда происходит на научной основе. Очевидно, что наивное и экспертное знание могут существенным образом отличаться. Необходимость различать научную и наивную картины мира уже не дискутируется в отечественной лингвистике. Однако следует подчеркнуть, что, помимо двух названных картин мира, существует третья – профессиональная, представляющая собой систему экспертных знаний о феноменах реального / ирреального мира, фиксирующая эту систему знаний в единицах языка, но не тождественная ни научной, ни наивной системам знаний и представлений.

Предпринятое здесь изучение категорий лингвоментальной субсферы «Продукты растительного происхождения» предполагает дифференциацию названных картин мира на основании аналитического описания *трех типов лингвокогнитивной категоризации: научной, профессиональной и наивной*. Специфика каждого типа видится в следующем.

Научная категоризация строго определена границами той или иной науки, не допускающей отступления от требований научной объективности, поэтому научная категоризация практически свободна от влияния идио-, социо- и этноспецифических факторов. Актуальные для научной лингвокогнитивной категоризации существенные признаки, как правило, одинаково значимы для всех членов категорий научного сознания. В структуре жестких категорий (категорий с четкими границами), не выделяются наиболее и наименее типичные образцы. Научные категории подвержены влиянию исключительно объективных факторов. Например, членство научных категорий может быть обусловлено развитием научно-технологических процессов: новым членом категорий может становиться выведенный селекционерами новый сорт овощей или фруктов, разработанный современными технологами новый предмет бытовой или организационной техники и т.п.

Профессиональная категоризация, опираясь на научные достижения, адаптирует научные знания и представления о мире к условиям наивного восприятия. Одновременно профессиональная категоризация зависит и от условий, заданных требованиями собственно профессиональной сферы. Именно поэтому профес-

сиональная категоризация не тождественна ни научной, ни наивной, являясь скорее особым, отчасти посредническим между наукой и обыденным сознанием типом лингвокогнитивной категоризации. При этом профессиональная категоризация является, как правило, *интенциональной*, т.е. процесс категориального членения действительности происходит осознанно, под влиянием объективных, но обусловленных условиями профессиональной сферы факторов. Например, такие плоды, как баклажан, кабачок, сладкий перец, тыква и другие плоды такой же морфологической структуры в научной (ботанической) картине мира считаются ягодами (некоторые из них – ягодovidными плодами). Однако в торгово-экономической (профессиональной) картине мира наблюдается иной подход: с одной стороны эти плоды называются овощами, как и в бытовой сфере, с другой стороны, признаются овощами с оговоркой *условно* (т.е. трактуются как *условно овощи*, см. подробнее: Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешней экономической деятельности Таможенного союза и Единого таможенного тарифа Таможенного союза» // Консультант-плюс. URL: <http://base.consultant.ru>; дата обращения: 10.04.2014). Еще один показательный в отношении специфики профессиональной картины мира пример: в торгово-номенклатурной документации не выделяются категории ЯГОДЫ и ОРЕХИ, все образцы, которым носителями обыденного сознания приписываются категориальные имена *орехи* и *ягоды*, причисляются к категории ФРУКТЫ. Эти и многие другие факты подтверждают идею об особом статусе профессиональной категоризации: во-первых, ее посредническом характере между научным знанием и наивными представлениями, во-вторых, о ее детерминированности сугубо специфическими условиями и требованиями профессиональной сферы.

Наивная категоризация подвержена влиянию как объективных, так и субъективных факторов, которые способствуют специфическому структурированию категорий в сознании носителей языка, т.е. выявлению лучших и худших образцов осмысляемых категорий. На формирование категорий в обыденном сознании влияет индивидуальный житейский опыт, место жительства человека, социально-культурный и исторический уклад, пол и возраст человека и т.п. Такой процесс категоризации является большей частью бессознательным (*неинтенциональным*), категории формируются в сознании человека спонтанно, не-

осознанно, под естественным влиянием окружающей среды.

Действительно, чаще всего категории формируются в сознании человека в зависимости от житейского индивидуального опыта, фоновых знаний, полученных из окружающей среды. Нередко наивные представления существенным образом отличаются от экспертного знания, поскольку носитель обыденного сознания чаще черпает информацию об объектах реального мира не из специальной и/или научной литературы. Например, источником информации для неспециалистов по растениеводству или ботанике является житейский опыт: общение с окружающими людьми, информация с прилавков магазинов, перечисление ингредиентов на товарных упаковках, кулинарные книги и т. п., реже – специальная литература. Так, на прилавках магазина можно найти товар, на упаковке которого указано наименование «Сухофрукты и орехи». В состав данного продукта входит изюм, сушеная папайя, банановые чипсы, арахис, кешью и фисташки. С ботанической точки зрения в этом списке из всего перечисленного к фруктам можно отнести (и то условно) лишь банан (если, конечно, не сомневаться, что перед нами именно фруктовые сорта, так как существуют и овощные сорта бананов, которые в некоторых южных странах варят или жарят), виноград и папайя имеют плоды в виде ягод; нет здесь и ни одного представителя семейства ореховых или буковых, которые называют орехами в строго научном смысле (арахис – представитель семейства бобовых, плоды этого растения называют бобами; кешью и фисташки – представители семейства анакардиевых, кешью и фисташка – это семена соответствующих растений). Следовательно, представления о категориях ФРУКТЫ и ОРЕХИ у носителей обыденного сознания значительно отличаются от научных концепций.

На процесс лингвокогнитивной категоризации конкретного человека может оказывать влияние место его жительства, что связано с особыми климатическими условиями и обусловленной ими спецификой тех или иных плодов, обладающих особыми вкусовыми качествами. Так, в китайской кулинарной традиции помидоры принято подавать в составе десертных блюд, поскольку китайские сорта томатов сладкие на вкус, что позволяет китайцам наделять их иными, нежели в русской традиции, категориальными именами: *фрукты* или *ягоды*. Такие особенности наивной категоризации но-

сителей разных языков и культур могут быть выявлены экспериментальным методом, одним из наиболее продуктивных при изучении особенностей языкового сознания.

С целью изучения структуры (членства) категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ в русском и китайском языковом сознании был проведен опрос носителей русского и китайского языка. Для исследования были определены две контрольные студенческие группы по 40 человек (одна группа русскоговорящих, не владеющих китайским языком; вторая группа китайцев, начинающих изучать русский язык; однако опрос для китайцев полностью проводился на китайском языке). Всем информантам предлагалось выполнить следующие задания: *Назовите известные Вам овощи / фрукты / ягоды* (кит.: 请说出著名的蔬菜, 水果, 野果). Респондентам выдавались опросные листы, в которых было пронумеровано по 10 строк для указания представителей трех изучаемых категорий. После опроса был произведен подсчет представителей рассматриваемых категорий и осуществлено распределение образцов категорий по трем степеням типичности: наиболее типичные образцы, образцы средней степени типичности и нетипичные образцы. В числовом (процентном) выражении условно эти группы распределяются следующим образом: от 70 до 100% – типичные образцы категорий, от 30 до 69% – образцы средней степени типичности; от 29% и менее – нетипичные образцы. Результаты опроса русскоговорящих студентов приведены в таблице 1.

К группе типичных образцов категории ОВОЩИ в русском языковом сознании относятся, по мнению респондентов, огурец, помидор (томат), картофель, капуста, тыква, морковь и кабачок. Показательно, что с ботанической точки зрения категории ОВОЩИ не существует, а плоды помидора, огурца, тыквы и кабачка в ботанике именуются ягодами или ягодовидными плодами. Съедобные части капусты представляют собой листья, картофеля и моркови – корень и его видоизменения (клубни).

Образцами средней степени типичности среди овощей являются баклажан, лук, свекла, редька, перец, чеснок, кукуруза. В ботанике плод перца и баклажана называют ягодами; лук, чеснок, свекла и редька представляют собой разновидности корня травянистых растений, а плод кукурузы является зерновкой.

Таблица 1

**Категориальная оценка ОВОЩЕЙ, ФРУКТОВ и ЯГОД
в сознании носителей русского языка (статистические данные)**

п/п	ОВОЩИ		ФРУКТЫ		ЯГОДЫ	
	наименование	кол-во упоминаний (в %)	наименование	кол-во упоминаний (в %)	наименование	кол-во упоминаний (в %)
1	Огурец	38 (95 %)	Груша	40 (100%)	Черника	36 (90 %)
2	Томат	36 (90 %)	Яблоко	39 (97,5%)	Клубника	31 (77,5 %)
3	Картофель	35 (87,5 %)	Банан	34 (85%)	Смородина	28 (70 %)
4	Капуста	34 (85 %)	Апельсин	32 (80%)	Малина	28 (70 %)
5	Тыква	30 (75 %)	Мандарин	29 (72,5 %)	Клюква	25 (62,5 %)
6	Морковь	29 (72,5 %)	Киви	28 (70 %)	Крыжовник	24 (60 %)
7	Кабачки	28 (70 %)	Персик	24 (60 %)	Голубика	24 (60 %)
8	Баклажан	24 (60 %)	Манго	19 (47,5 %)	Вишня	23 (57,5 %)
9	Лук	22 (55 %)	Ананас	18 (45 %)	Арбуз	22 (55 %)
10	Свекла	20 (50 %)	Дыня	16 (50 %)	Ежевика	20 (50 %)
11	Редька	15 (37,5 %)	Лимон	15 (37,5 %)	Земляника	20 (50 %)
12	Перец	14 (35 %)	Абрикос	14 (35 %)	Брусника	20 (50 %)
13	Чеснок	12 (30 %)	Грейпфрут	12 (30 %)	Ирга	19 (47,5 %)
14	Кукуруза	12 (30 %)	Виноград	10 (25 %)	Облепиха	14 (35 %)
15	Брокколи	7 (17,5 %)	Айва	9 (22,5 %)	Виктория	9 (22,5 %)
16	Фасоль	6 (15 %)	Арбуз	8 (20 %)	Виноград	7 (17,5 %)
17	Горох	5 (12,5 %)	Папайя	8 (20 %)	Слива	6 (15 %)
18	Топинамбур	4 (10 %)	Помело	7 (17,5 %)	Рябина	6 (15 %)
19	Салат	3 (7,5 %)	Слива	6 (15 %)	Черемуха	6 (15 %)
20	Патиссон	2 (5 %)	Авокадо	5 (12,5 %)	Черешня	6 (15 %)
21	Шпинат	2 (5 %)	Кокос	4 (10 %)	Костяника	5 (12,5%)
22	Хрен	1 (2,5%)	Гранат	4 (10 %)	Морошка	4 (10 %)
23	Укроп	1 (2,5%)	Алыча	4 (10 %)	Абрикос	3 (7,5 %)
24	Репа	1 (2,5%)	Мангостин	3 (7,5 %)	Барбарис	1 (2,5 %)
25			Фейхоа	2 (5 %)		
26			Клубника	1 (2,5 %)		

Наименее типичными представителями категории ОВОЩИ для носителей русского языка являются брокколи, фасоль, горох, топинамбур, салат, патиссон, шпинат, хрен, укроп и репа. Очевидно, что к наименее типичным образцам данной категории относятся такие представители, которые можно также отнести к иным категориям человеческого сознания: БОБОВЫЕ (горох, фасоль), ТРАВЫ, ПРИПРАВЫ или ПРЯНОСТИ (салат, хрен, укроп). Это свидетельствует о размытости границ категории ОВОЩИ, ее интегрированном характере по отношению к иным категориям человеческого сознания (в данном случае: БОБОВЫЕ КУЛЬТУРЫ, ТРАВЫ и ПРЯНОСТИ, или СПЕЦИИ). В ботанике многие из данных образцов представляют собой съедобные побеги (стебли и листья) травянистых растений, некоторые (горох, фасоль) являются по характеристике плода бобами, некоторые (например, хрен) также представляет собой вид корня. Данные различия свидетельствуют о существенной разнице в научной и наивной категоризации: о различии категориальных признаков, актуальных для научного и наивного сознания, об отсутствии изоморфности лингвокогнитивных структур в разных вариантах языковой картины мира. Так, для ботанической картины мира актуален такой признак катего-

ризации, как структура растения (морфологический признак), что позволяет выделять такие категории: СТЕБЕЛЬ, ЛИСТЬЯ, ЦВЕТОК, ПЛОД, КОРЕНЬ, но не категорию ОВОЩИ. Для наивной категоризации ОВОЩЕЙ важны иные признаки: способ произрастания, форма, вкус, способ употребления в пищу и др.

К группе типичных образцов категории ФРУКТЫ, по результатам опроса, относится груша, яблоко, банан, апельсин, мандарин, киви и персик. Следует также подчеркнуть, что и категория ФРУКТЫ в ботанической картине мира не выделяется. Все указанные образцы в ботанике считаются плодами чаще кустарниковых или древесных растений и представляют собой либо ягоду (многосемянной сочный плод), либо костянку (сочный плод с косточкой внутри). Так, персик является с этой точки зрения костянкой; груша и яблоко – ягодовидными плодами, именуемыми в ботанике яблоком; банан, киви, мандарин и апельсин являются ягодами: собственно ягодами или ягодовидным плодами – гесперидиями (все цитрусовые).

Образцами средней степени типичности предстают манго, ананас, дыня, лимон, абрикос, грейпфрут. К нетипичным относятся виноград, айва, арбуз, папайя, помело, слива, авокадо, кокос, гранат, алыча,

мангостин, фейхоа, клубника. К нетипичным образцам категории ФРУКТЫ, таким образом, причисляются, во-первых, экзотические плоды, которые знакомы жителям умеренного климата лишь по прилавкам супермаркетов (мангостин, фейхоа, папайя, помело). Во-вторых, нетипичными образцами являются такие представители, которые, вероятно, располагаются, условно говоря, на границе категорий ФРУКТЫ и ЯГОДЫ: некоторые образцы можно причислить и к ягодам в первую очередь в силу их размера (виноград, алыча, клубника). Остальные названные респондентами плоды обычно относятся к иным категориям: кокос нередко называют орехом, авокадо в силу его особых вкусовых качеств – овощем и т. д.

К типичным образцам категории ЯГОДЫ, по мнению русскоговорящих информантов, относится черника, клубника, смородина, малина, клюква, крыжовник, голубика. Представителями категории, которые были отнесены к группе средней степени типичности, являются вишня, арбуз, ежевика, земляника, брусника, ирга, облепиха. Нетипичные образцы категории ЯГОДЫ: виктория, виноград, слива, рябина, черемуха, черешня, костяника, морошка, абрикос, барбарис. К нетипичным ягодам относятся либо такие плоды, которые не столь известны носителям языка, особенно горожанам, (костяника, морошка), либо те, которые могут быть отнесены также к категории ФРУКТЫ (виноград, черешня, абрикос).

Единица *ягода* имеет статус термина в ботанике, однако в научном смысле под *ягодой* понимается совершенно иное, нежели в наивной категоризации. В ботанике это, как уже было указано, многосемянной сочный плод, в наивной картине мира ягодами считаются плоды травянистого или кустарникового растения и, как правило, небольшого размера. Так, например, арбуз и дыня в научной картине мира являются именно ягодами, однако они совершенно не подходят к данной категории в наивном представлении. При этом многие обычно именуемые ягодами образцы с ботанической точки зрения ягодами не являются. Это касается малины, ежевики, клубники (типичных для наивного сознания ягод), которые в ботанике причисляются к костянкам.

Очевидно, что этноспецифические особенности лингвокогнитивной категоризации наиболее полно выявляются при сопоставлении фактов разных языков. Подоб-

ный опрос проводился также в китайской аудитории (результаты опроса приведены в таблице 2).

Следует заметить, что при обработке данных опроса носителей китайского языка ни в одной из рассматриваемых категорий не выявились типичные образцы, набравшие более 70% ответов. Максимальный показатель по каждой из категорий – 60% (по всем трем категориям). Это объясняется следующей закономерностью. Особенности структурной организации категорий такова: чем больше образцов в структуре категории, тем меньше единообразных существенных признаков категоризации, тем меньше плотность структуры категории. Возможно, это вызвано тем, что в китайском обиходе значительно более разнообразен набор представителей каждой из рассматриваемых категорий (т. е. рацион овощей, ягод и особенно фруктов у носителя китайской культуры значительно более широк и многообразен, чем у жителей России). Это есть следствие известного богатства и многогранности китайской кухни, что в свою очередь обусловлено особенностями Китая: историческими (например, классовостью кухни) и географическими (обширностью территории, разнообразием климатических поясов).

Поскольку ни одна из категорий не имеет образцов, набравших более 70% упоминаний, типичными для категории будут считаться те представители, которые преодолели 50-процентный рубеж. К группе типичных образцов категории ОВОЩИ в китайском языковом сознании относятся, по мнению респондентов, баклажан, капуста, картофель и бобы. Образцами средней степени типичности среди овощей являются огурец, сельдерей, салат, батат, перец. Наименее типичными представителями категории ОВОЩИ для носителей китайского языка являются грибы, морковь, шпинат, лук, цветная капуста, базилик, редька, чеснок, порей, кабачок и некоторые специфичные для данной культуры образцы.

К группе типичных образцов категории ФРУКТЫ относятся груша, яблоко, помело и арбуз. Образцами средней степени типичности являются апельсин, персик, банан, клубника и дыня. Нетипичны, по результатам опроса, личи, виноград, ананас, манго, абрикос, мандарин, мангостин, слива, вишня, киви, томат (помидор), финик, питахайя, гранат, голубика, дуриан, кокос, папайя, сахарный тростник, боярышник, восковник и нектарин.

Таблица 2

**Категориальная оценка ОВОЩЕЙ, ФРУКТОВ и ЯГОД
в сознании носителей китайского языка (статистические данные)**

№ п/п	ОВОЩИ			ФРУКТЫ			ЯГОДЫ		
	наименование		кол-во упоминаний (в %)	наименование		кол-во упоминаний (в %)	наименование		кол-во упоминаний (в %)
	кит.	перевод на рус. яз.		кит.	перевод на рус. яз.		кит.	перевод на рус. яз.	
1	茄子	Баклажан	24 (60%)	苹果	Яблоко	25 (62,5%)	番茄	Томат	25 (62,5%)
2	白菜	Капуста	24 (60%)	柚子	Помело	23 (57,5%)	草莓	Клубника	20 (50%)
3	土豆	Картофель	20 (50%)	西瓜	Арбуз	18 (45%)	葡萄	Виноград	18 (45%)
4	豆角	Бобы	20 (50%)	梨	Груша	16 (40%)	猕猴桃	Киви	17 (42,5%)
5	黄瓜	Огурец	19 (47,5%)	橙子	Апельсин	16 (40%)	石榴	Гранат	16 (40%)
6	芹菜	Сельдерей	16 (40%)	桃	Персик	15 (37,5%)	香蕉	Банан	15 (37,5%)
7	生菜	Салат	14 (35%)	香蕉	Банан	12 (30%)	桂圆	Туговик	13 (32,5%)
8	地瓜	Батат	13 (32,5%)	草莓	Клубника	12 (30%)	桑葚	Инжир	12 (30%)
9	辣椒	Перец	12 (30%)	哈密瓜	Дыня	11 (27,5%)	无花果	Малина	12 (30%)
10	蘑菇	Грибы	11 (27,5%)	荔枝	Личи	11 (27,5%)	树莓	Черный виноград	9 (2,50%)
11	胡萝卜	Морковь	10 (25%)	葡萄	Виноград	9 (22,5%)	黑加仑	Кукуруза	8 (20%)
12	菠菜	Шпинат	8 (20%)	菠萝	Ананас	8 (20%)	玉米	Страстоцвет (маракуйя)	6 (15%)
13	洋葱	Лук	8 (20%)	芒果	Манго	8 (20%)	西番莲	Питахайя	5 (12,5%)
14	菜花	Цветная капуста	8 (20%)	杏	Абрикос	8 (20%)	火龙果	Персик	4 (10%)
15	香菜	Базилик	7 (17,5%)	橘子	Мандарин	7 (17,5%)	桃子	Орех	4 (10%)
16	萝卜	Редька	6 (15%)	山竹	Мангостин	7 (17,5%)	核桃	Баклажан	3 (7,5%)
17	蒜	Чеснок	6 (15%)	李子	Слива	6 (15%)	茄子	Семечки	2 (5%)
18	韭菜	Порей	4 (10%)	樱桃	Вишня	6 (15%)	瓜子	Личи	1 (2,5%)
19	西葫芦	Кабачок	3 (7,5%)	猕猴桃	Киви	5 (12,5%)	荔枝		
20	山药	Диоскорея	2 (5%)	柿子	Томат	4 (10%)			
21	丝瓜	Люффа	1 (2,5%)	枣	Финик	4 (10%)			
22	冬瓜	Бенинказа	1 (2,5%)	火龙果	Питахайя	4 (10%)			
23	苦菜	Латук	1 (2,5%)	石榴	Гранат	4 (10%)			
24				蓝莓	Голубика	4 (10%)			
25				榴莲	Дуриан	3 (7,5%)			
26				椰子	Кокос	3 (10%)			
27				木瓜	Папайя	2 (5%)			
28				甘蔗	Сахарный тростник	2 (5%)			
29				山楂	Боярышник	2 (5%)			
30				杨梅	Восковник	1 (2,5%)			
31				油桃	Нектарин	1 (2,5%)			

Кроме того факта, что в русском языковом сознании наиболее типичные образцы (образцы, преодолевшие 70-процентный рубеж) выявляются, а в китайском – нет, не единственное различие. Очевидно, что в русском и китайском языковом сознании различается и сама структура (членство) категорий. То, что является типичным для носителей русского языка, нетипично для китайцев: например, помидор (томат) и тыква для русскоговорящих – типичные образцы категории ОВОЩИ, китайцы помидор относят к ягодам или фруктам, а тыкву не отмечают вовсе. Образец средней типичности в сознании носителей русского языка – кукуруза – китайцами причисляется к ягодам. Баклажан является наиболее типичным образцом категории ОВОЩИ для китайцев, в сознании русскоговорящих он является образцом средней типичности. Некоторые образцы категории ОВОЩИ, обозначенные

китайцами, жителям России незнакомы. Это касается диоскореи, или ямса, со съедобными при особой термической обработке клубнями; люффы, молодые побеги которой употребляются в вареном / тушеном виде; бенинказы с ее крупными тыквообразными съедобными плодами.

Отличительной особенностью осмысления категории ЯГОДЫ в русском и китайском языковом сознании является то, что многие образцы, обычно именуемые носителями русского языка фруктами (киви, гранат, инжир, страстоцвет, или маракуйя, персик), китайцы относят к ягодам. То есть один из основных для русского языкового сознания существенных признаков категоризации категории ЯГОДЫ – малый размер плода – для китайцев оказывается не актуальным.

Однако в структуре категорий ОВОЩИ, ФРУКТЫ и ЯГОДЫ в русском и китайском

языковом сознании существуют и схожие ментальные области: наиболее типичные образцы категории ФРУКТЫ у китайских и русскоговорящих респондентов совпадают (это касается яблока, груши, банана и апельсина), специфично лишь выявление в структуре данной категории китайского плода личи. Таких образцов больше среди нетипичных: дуриан, кокос, сахарный тростник, восковник. Типичными образцами категории ОВОЩИ и для китайцев, и для русских являются капуста, картофель и огурец.

Итак, лингвокогнитивная категоризация в разных вариантах языковой картины мира (научной, профессиональной и наивной картинах мира) подчиняется разным законам: научная категоризация предполагает членение действительности на объективных основаниях, поэтому, как правило, она свободна от влияния идио-, социо- и этноспе-

цифических факторов. Профессиональная категоризация, подчиняясь условиям собственно профессиональной сферы, допускает влияние на формирования категорий социальных и этноспецифических факторов. Наиболее изменчива и разнообразна в этом смысле наивная категоризация: категории наивного сознания в большей степени имеют психологическую природу, нежели онтологическую. На процесс наивной категоризации влияют условия существования субъекта познания (включая географические условия места жительства), бытового опыта, фоновые знания, профессиональная принадлежность индивидуума и, безусловно, национально-культурный и социальный контекст. Именно поэтому лингвокогнитивная категоризация в наивной картине мира носит ярко выраженный идио-, социо- и этноспецифический характер.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Аникин Е. Е., Чудинов А. П. Дискуссия о русской языковой картине мира: абсолютный универсализм и крайний релятивизм (неогумбольдтианство) // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 1 (35). С. 11-14.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Языки русской культуры, 1995.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 12-20.
4. Дементьев В. В. Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях: к дискуссии А. Д. Шмелева с А. В. Павловой и М. В. Безродным о «лингвоарциссизме» // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 11-16.
5. Зализняк А. А., И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005.
6. Карасик В. И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002.
7. Михалев А. Б. Слои языковой картины мира. URL : http://amikhalev.ru/?page_id=75.
8. Павлова А. В. Можно ли судить о культуре народа по данным его языка? // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 3–60. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/pavlova3.pdf>.
9. Павлова А. В. Язык как источник сведений о национальной картине мира // Филологические заметки. Пермь, 2009. Вып. 7. Т. 1. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/pavlova-09.htm>.
10. Павлова А. В., Безродный М. М. Хитрушки и единорог : из истории лингвоарциссизма // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 11-20.
11. Прожилов А. В. Лингвоконцептология : триумфальный подъем или бег по «языковому кругу»? // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 12-22.
12. Руссо М. М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 12-24.
13. Серю П. Оксюморон или недопонимание? Универсалистский релятивизм универсального естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 30-40.
14. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. Вып. 1. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. С. 135-198.
15. Федосюк М. Ю. Концепция Г. П. Мельникова и дискуссия о русской языковой картине мира // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 11-12.
16. Шмелев А. Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвоарциссизма»? // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 21-33.
17. Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. С. 60-74. URL : <http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74b.htm>.

R E F E R E N C E S

1. Anikin E. E., Chudinov A. P. Diskussiya o russkoy yazykovoy kartine mira: absol'yutnyy universalizm i krayniy relyativizm (neogumboldtianstvo) // Politicheskaya lingvistika. 2011. Vyp. 1 (35). S. 11-14.
2. Апресян Ю. Д. Izbrannyye trudy. T. 2. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1995.
3. Vorkachev S. G. Lingvokul'turnaya kontseptologiya i ee terminosistema // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 12-20.
4. Dement'ev V. V. Ob otsenochnosti i absol'yutizatsii v lingvisticheskikh issledovaniyakh: k diskussii A. D. Shmeleva s A. V. Pavlovoy i M. V. Bezrodnym o «lingvonartsissizme» // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 1 (39). S. 11-16.
5. Zaliznyak A. A., I. B. Levontina, A. D. Shmelev. Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira. M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005.

6. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: Lichnost', kontsepty, diskurs*. Volgograd : Peremena, 2002.
7. Mikhalev A. B. Sloi yazykovoy kartiny mira. URL : http://amikhalev.ru/?page_id=75.
8. Pavlova A. V. *Mozhno li sudit' o kul'ture naroda po dannym ego yazyka?* // Antropologicheskiy forum. 2012. № 16. С. 3–60. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/pavlova3.pdf>.
9. Pavlova A. V. *Yazyk kak istochnik svedeniy o natsional'noy kartine mira* // Filologicheskie za-metki. Perm', 2009. Vyp. 7. T. 1. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/pavlova-09.htm>.
10. Pavlova A. V., Bezrodnyy M. M. *Khitrushki i edinorog : iz istorii lingvonartsissizma* // Poli-ticheskaya lingvistika. 2011. № 4 (38). S. 11-20.
11. Prozhilov A. V. *Lingvokontseptologiya : triumfal'nyy pod'em ili beg po «yazykovomu krugu?»* // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1 (51). S. 12-22.
12. Russo M. M. *Neogumbol'dtianskaya lingvistika i ramki «yazykovoy kartiny mira»* // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1 (47). S. 12-24.
13. Serio P. *Oksyumoron ili nedoponimanie? Universalistskiy relyativizm universal'nogo estest-vennogo semanticheskogo metayazyka Anny Vezhbitskoy* // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 30-40.
14. Uorf B. L. *Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku*. Nauka i yazykoznanie. Lingvistika i logika // *Novoe v lingvistike*. Vyp. 1. M. : Izd-vo inostr. lit-ry, 1960. S. 135-198.
15. Fedosyuk M. Yu. *Kontseptsiya G. P. Mel'nikova i diskussiya o russkoy yazykovoy kartine mira* // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2 (40). S. 11-12.
16. Shmelev A. D. *Vsegda li nauchnoe izuchenie russkogo yazyka yavlyaetsya proyavleniem «lingvonartsissizma?»* // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4 (38). S. 21-33.
17. Shcherba L. V. *O ponyatii smesheniya yazykov* // *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. L. : Nauka, 1974. S. 60-74. URL : <http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74b.htm>.

Статью рекомендует канд. пед. наук Ли Минь.